

УДК 821.161.1:27:17
ББК 83.3(2=411.2)5:87

Светлана Андреевна Серёгина

Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья, Россия, Москва, e-mail: serjogina@mail.ru

Н.А. Клюев и Ф.-Р. Ламенне: Образ будущего сквозь призму социального христианства

Аннотация. На доказательных основаниях вводится ранее неизвестный источник религиозно-философских представлений Клюева – сочинение идеолога социального христианства Ф.-Р. Ламенне «Слова верующего» (*Paroles d'un croyant*). Выявлено, что в свою статью 1919 г. «Красный набат» Клюев включил практически без изменений главы 35 и 36 этого текста в переводе братьев Владимира и Леонида Андроусонов (издание 1906 г.). Сделано предположение о первом знакомстве Клюева с идеями социального христианства в революционной среде в начале 1900-х гг., что определило формирование в художественном сознании поэта устойчивой системы представлений, которая принципиально важна для понимания его произведений 1900–1910-х гг.: это, прежде всего, понимание коренных общественных преобразований как «участия в плане Бога» и представление о будущем как о «царстве справедливости и царстве любви», в котором рабство и голод будут искоренены, утраченное всеобщее братство людей («братьев Христа») восстановлено и «народ-богочеловек» воскреснет. Раскрыта драматическая коллизия житнетворческого мифа Н.А. Клюева: с одной стороны, он укоренен в восходящем к Вл.С. Соловьёву представлении о необходимости духовного преображения человечества, а с другой – в идеологии социального христианства с его пониманием революционной борьбы как религиозной жертвы, подразумевающей равную готовность как к героической смерти за «братьев», так и к кровопролитию как средству достижения «будущего царства».

Ключевые слова: религиозно-философский контекст творчества Н.А. Клюева, идеи Ф.-Р. Ламенне в России, философия религиозного преображения человечества Вл.С. Соловьёва, социальное христианство, образ будущего в литературно-философской традиции

Svetlana Andreevna Seregina

Russian Russian Academy of Sciences Gorky Institute of World Literature (IMLI RAS), Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher at the Department of Modern Russian Literature and Literature of the Russian Abroad, Russia, Moscow, e-mail: serjogina@mail.ru

N.A. Klyuev and F.-R. Lamenne: The image of the future through the prism of social Christianity

Abstract. The article introduces, on evidentiary grounds, a previously unknown source of N.A. Klyuev's religious and philosophical ideas – the work of the ideologist of social Christianity F.R. Lamenne “The Words of a Believer” (“Paroles d'un croyant”). It is revealed that in his 1919 article “Red Alarm” Klyuev included almost unchanged chapters 35 and 36 of this text translated by brothers Vladimir

and Leonid Androusonov (1906 edition). It is assumed that Klyuev's acquaintance with the ideas of social Christianity first occurred in a revolutionary environment in the early 1900s, which determined the formation of a stable complex of philosophemes in the poet's artistic consciousness, which is also fundamentally important not only for his works of the 1900s. (article "In Black Days"), but also for his work of 1917–1919: this is, first of all, an understanding of fundamental social transformations as "participation in God's plan" and the idea of the future as a "kingdom of justice and the kingdom of love" in which slavery and hunger will be eradicated, the lost universal brotherhood of people ("the brothers of Christ") – restored, and the "God-man people" will rise again. The dramatic collision of Klyuev's life-creating myth is revealed: on the one hand, it is rooted in the idea of the need for the spiritual transformation of mankind, dating back to V.S. Solov'ev, and on the other – in the ideology of social Christianity with its understanding of the revolutionary struggle as a religious sacrifice, implying equal readiness for both heroic death for "brothers" and bloodshed as a means to achieve the "future kingdom".

Key words: the religious and philosophical context of N.A. Klyuev's work, the ideas of F.-R. Lamennais in Russia, the philosophy of the religious transformation of mankind by V.S. Solov'yov, social Christianity, the image of the future in the literary and philosophical tradition

DOI: 10.17588/2076-9210.2025.1.162-179

В середине 1900-х гг. революционное движение виделось Ключеву исторически оправданным путем к обретению желанного будущего. Однако общественный идеал поэта довольно быстро наполнился религиозно-философским содержанием. Так, Клюев оказывался причастным философской традиции, символом которой можно считать Вл.С. Соловьева. Как известно, философ мыслил будущее человечеств как его «радикальное религиозное преображение»¹ и отвергал социализм из-за преобладания в нем индивидуализма и материального интереса: «...социализм изначала – даже в самых идеалистических своих выражениях – ставит нравственное совершенство общества в прямую и всецелую зависимость от его хозяйственного строя и хочет достигнуть нравственного преобразования или перерождения исключительно лишь путем экономического переворота» [2, с. 414]. Хотя Клюев никогда не ставил «нравственное совершенство» общества и его будущее в прямую зависимость от «хозяйственного строя», демократическая традиция русской литературы² с ее социальным идеалом оказала значительное влияние на поэта в начале его творческого пути (1904–1905 гг.). В это время очертания *будущего* в его произведениях определяли литературные штампы: «радужные грезы», «иной мир покоя, отрады», «день отрадней», «светлый день», «лучшая доля», «святая мечта»,

---

¹ См.: Евлампиев И.И. «Неизбежный нравственный переворот» и идея революции в русской общественно-политической мысли XIX – начала XX века // Соловьёвские исследования. 2023. Вып. 3(79). С. 33 [1].

² См., например: Азадовский К.М. Жизнь Николая Ключева: Документальное повествование. СПб.: Звезда, 2002. С. 26 [3]; Субботин С.И. Н.А. Клюев: поэзия 1905–1908 гг. и проза 1919–1923 гг. вопросы источниковедения и атрибуции: дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. С. 16–25 [4].

«волшебная даль», «обитель свободного счастья»³. Так в лирике Клюева складывался хронотоп «новой жизни»: «Мы новою жизнью теперь заживем – / с бесстрашием ринемся к битве» [5, с. 82]. Поэтический язык Клюева 1900-х гг., на котором он говорил о «новой жизни», еще не обладал характерным и узнаваемым стилевым своеобразием. Однако уже он выражал особый клюевский гуманизм и его сострадательное отношение к миру:

Светила мудрости, науки,
Вы разрешите мне вопрос:
Когда окончатся все муки
И на земле не будет слез.

Когда наступит день отрадный,
Не будет литься больше кровь,
И в нашу жизнь, как свет лампадный,
Прольется чистая любовь? [5, с. 77–78]

Уже этот еще не самостоятельный поэтический язык раскрывает обращенность Клюева к глубинному стремлению русской культуры – «*воздействовать* на реальную жизнь, исправляя и улучшая ее»⁴, т.е. творить проективный идеал и искать способы его воплощения⁵. Активная революционная работа, в которую Клюев включился в 1905 г., понималась им как конкретное «общее дело», в котором социальная борьба обретала высоту жертвенного служения. «Я делал, что мог, свято веря в счастливый исход. Я отдал все, что имел, не пожалев себя и старых бедных родителей...», – признавался поэт в самом раннем из сохранившихся писем (1906 г.), адресованном политическим ссыльным [8, с. 161]. Уже на этом начальном этапе становления мировоззрения Клюева его устремление к «животворной свободе» будущего было вдохновлено «светом лампадным» «чистой любви» [5, с. 81]. Такого рода наполнение Клюевым идеи общественного единства «положительным содержанием» можно считать первым этапом обращения поэта к религиозной философии социального христианства⁶. В то же время Клюев, сопрягая вектор общественных преобразова-

³ См.: Клюев Н.А. Сердце Единорога: Стихотворения и поэмы. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного ин-та, 1999. С. 77–82 [5].

⁴ См.: Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Изд-во «Мысль», 1990. С. 294 [6].

⁵ См.: Гачева А.Г. «Идеал ведь тоже действительность...». Русская философия и литература. М.: Академический проект, 2019 [7].

⁶ Об идеях социального христианства в русской литературе см., например: Кибальник С.А. «Христианский социализм» или «социальное христианство»? (Гоголь и Достоевский в истории русской социально-философской мысли) // Проблемы исторической поэтики. 2017. Т. 15, № 3. С. 70–93 [9]; *он же* Л.Н. Толстой и «социальное христианство» (Толстой о Ф.-Р. де Ламенне) // Культура и текст. 2019. № 1(36). С. 75–84 [10]. Первое обращение к теме «Н.А. Клюев и соци-

ний с нравственным императивом христианства, вновь оказывается в круге соловьевских идей: «Христос пришел не погубить мир, а спасти его, и социально-политический организм человечества – мир в тесном смысле – должен быть не уничтожен святынею христианства, а спасен ею, т.е. обращен, преобразован, одухотворен» [12, с. 340]. Это обращенность Клюева к философскому истоку определила единство социально-политических мотивов, евангельских образов и житнетворческого пафоса, которое характерно для зрелого творчества поэта.

С.А. Кибальник, выявляя влияние французского идеолога социального христианства Ф.-Р. де Ламенне на представление Ф.М. Достоевского о русском социализме «во имя Христово», называет в качестве источника этого представления книгу Ламенне *Les paroles d'un croyant* (1834 г.), известную в русском переводе как «Слова верующего»⁷. Этот же текст, как теперь достоверно известно, был в круге чтения Клюева.

В конце 1908 г. Клюев отправляет Блоку письмо, к которому прикладывает ныне неизвестное произведение, предназначенное для издателя В.С. Миролюбова. Этот текст под названием «Слово», «Слово Божие», «Слово Божие к народу» Клюев упоминает в письмах Блоку пять раз⁸ – с конца 1908 г. до апреля 1909 г. Его содержание и дальнейшая судьба неизвестны. Однако из письма Клюева ясно, что «Слово» он использовал в агитационных целях, которые в это время поэт ощущает как насущные житнетворческие задачи: «По монастырям мы ходим потому, что это самые удобные места: народ “со многих губерний” живет празднично несколько дней, времени довольно, чтобы прочесть, к примеру, хоть “Слово Божие к народу” и еще кой-что “нужное”. Вот я и хожу и желающим не отказываю, и ходить стоит, потому удобно и сильно, и свято неотразимо. Без этого же никак невозможно» [13, с. 188–190].

Комментируя это письмо, К.М. Азадовский предположил, что Клюев мог вдохновляться «“Словом верующего к народу” (вольный перевод известной книги Ф.Р. Ламенне “Слово верующего”⁹) – произведением, известным в народной среде»¹⁰. В.Г. Базанов обращает внимание¹¹ на более поздние по времени публикации о Ламенне в журнале «Новая земля» в 1910–1911 гг. Это направление научного поиска оказалось верным. Исследовательские гипотезы удалось подтвердить, выявив прямое цитирование Клюевым Ламенне (без отсылок к первоисточнику): в статью 1919 г. «Красный набат» Клюев включил тридцать пятую и тридцать шестую главы из «Слов верующего». Прямое об-

---

альное христианство» см.: Серёгина С.А. Идея социального христианства в ранней лирике Н.А. Клюева // Проблемы исторической поэтики. 2021. № 19(3). С. 238–254 [11].

⁷ См.: Кибальник С.А. «Христианский социализм» или «социальное христианство»? С. 78.

⁸ См. письма 13, 15, 16, 18, 20 в: Клюев Н.А. Письма к Александру Блоку: 1907–1915. М.: Прогресс-Плеяда, 2003 [13].

⁹ Точнее – «Слова верующего» (*Les paroles d'un croyant*).

¹⁰ См.: Клюев Н.А. Письма к Александру Блоку: 1907–1915. С. 177.

¹¹ См.: Базанов В.Г. К творческим исканиям Блока // А. Блок и современность. М.: Современник, 1981. С. 208–209 [14].

ращение Клюева к тексту идеолога социального христианства (хотя и более позднее по времени) можно считать доказательством того, что именно этот текст стал основным источником ныне неизвестного произведения Клюева, которое упоминается поэтом в его письмах Блоку 1900-х гг. под названием «Слово», «Слово Божие», «Слово Божие к народу».

Сочинение Ламенне «Слова верующего» имеет яркую историю бытования в русской культуре¹². Самый известный перевод принадлежит революционеру, писателю и публицисту С.М. Степняку-Кравчинскому: в годы массового «хождения в народ» (1874–1875 гг.) этот перевод широко использовался «в революционной пропаганде среди крестьян и фабричных»¹³. Думается, именно из революционной народнической среды этот текст перешел в агитационный арсенал эсеров, с которыми в середине 1900-х гг. сближается Клюев. Вполне возможно, что впервые Клюев познакомился с текстами Ламенне именно в переводе Степняка-Кравчинского. Юный поэт, агитатор и распространитель нелегальной литературы мог прочитать литографическую копию подпольного издания или присутствовать при его чтении на революционных собраниях.

Косвенным доказательством этого предположения является следующее обстоятельство: в одном из писем Блоку Клюев называет свой текст «Слово Божие к народу»¹⁴, в то время как именно Степняк-Кравчинский единственный изменил название переводного сочинения, прибавив к французскому названию «Слова верующего» (*Les paroles d'un croyant*) название вступления – «К народу» (*Au peuple*): «сразу указав адресата – “Слова верующего к н а р о д у”»¹⁵.

Революция 1905 г. усилила интерес к сочинению Ламенне: следствием этого интереса стали публикации переводов «Слов верующего»¹⁶. Сравнительный анализ текстуальных совпадений и различий между переводами 1905–1906 гг. и текстом, включенным Клюевым в статью «Красный набат», позволил выявить, что в 1919 г. поэт пользовался переводом братьев Владимира и Леонида Андрусонов¹⁷.

Сочинение Ламенне, видимо, отвечало внутреннему, уже сформированному запросу юного агитатора, начинавшего осознавать в себе поэта. Труд Ламенне отличает некоторая манипулятивность (по отношению к христианской

¹² См.: Никитина Ф.Г. Идеи Ламенне в России // Достоевский и мировая культура. 1997. № 8. С. 201–226 [15].

¹³ См.: Базанов В.Г. К творческим исканиям Блока. С. 209.

¹⁴ См.: Клюев Н.А. Письма к Александру Блоку: 1907–1915. С. 190.

¹⁵ См.: Таратута Е.А. С.М. Степняк-Кравчинский – революционер и писатель. М.: Худож. лит., 1973. С. 47 [16].

¹⁶ См.: Ламенне Ф. Слова верующего // Свободная совесть: литературно-философский сб. 1906. Кн. 2. С. 296–357; [Ламенне Ф.-Р.] Слова верующего. Сочинение аббата Ламенне / пер. с фр. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1906 (Библиотека «Общественной пользы». Сер. 2; № 17); Ламенне Ф.-Р. Слово верующего. Ростов н/Д.: К свету, [1906]; Ламенне Ф. Слова верующего: (Отрывки). М.: «Народная мысль» Е.Д. Мягкова, 1906.

¹⁷ См.: Ламенне Ф.-Р. Слова верующего: Памфлет. СПб.: А.Е. Беляев, 1906 [17].

догме) и яркая ангажированность социальной идеей. Однако, видимо, именно это – раскрытие общественного идеала на языке евангельской образности – и привлекло Ключева. «Слова верующего» обладают не только демократической, но и революционной направленностью. Будущее здесь мыслится как восстановление утраченного «царства справедливости и царства любви»¹⁸, в котором будет преодолено порочное социальное устройство: «Цари завоюют на своих тронах: они обеими руками будут пытаться удержать свои короны, уносимые ветрами, и будут сметены вместе с ними. Богачи и вельможи выбегут нагишом из своих дворцов от страха быть погребенными под их развалинами» [17, с. 59].

Этот пафос социальной борьбы парадоксальным образом сочетается у Ламенне с ретроспективной мифологией (представление о том, что когда-то люди «жили счастливо, ибо они жили, как братья»¹⁹) и евангельской риторикой братолюбия: «И каждый полюбит себя в брате своем, и будет счастлив служить ему, и не будет более ни великих, ни малых, благодаря любви, которая равняет всех; и все семьи будут – одна семья, и все народы – один народ» [17, с. 60].

Именно в распаде изначального братского единства всех со всеми идеолог социального христианства видит исток (и одновременно – следствие) греховного состояния мира и общественного неравенства. В преодолении этой разъединенности для Ламенне лежит путь к обретению будущего «царства справедливости и царства любви»: «И если вас спросят: “Сколько вас?”, отвечайте: “Нас – один, ибо наши братья – это мы, и мы – это наши братья”» [17, с. 16].

Религиозно-философский фундамент социального христианства составляет не только образ будущего братства, но и мотив героической смерти за братьев – смерти, которая почти неминуема в этой жертвенной борьбе: «И многие падут в этой битве, и их имена останутся на земле, как луч Божественной славы. Вот почему вы, кто страдает, мужайтесь, укрепитесь сердцем: ибо завтра будет днем испытаний, днем, когда каждый должен будет с радостью отдать свою жизнь за братьев своих; и день, который последует, будет днем освобождения» [17, с. 15].

Символическим образом «дня освобождения», который последует за смертью во имя братьев, становится Христос: «Свобода засияет над вами, когда у подножия креста, на котором Христос умер за вас, вы поклянетесь умереть друг за друга» [17, с. 50].

Краткий абрис представлений «Слов верующего» дает ясное понимание важнейшего истока не только первой статьи Ключева «В черные дни» (1908 г.), но и в целом его творчества 1910-х гг. Позднее в «Гагарьей судьбине» (1922 г.) Ключев сформулирует свое понимание жизненного и творческого дела как «участие в плане Бога»: «И план этот – усовершенствование, раскрытие красоты лика Божия» [8, с. 35]. Этот проективный тезис звучит очень по-

---

¹⁸ См.: Ламенне Ф.-Р. Слова верующего: Памфлет. С. 15.

¹⁹ Там же. С. 9.

соловьёвски: «Царство Божие составляется из людей, перестающих быть *только* людьми, входящих в новый, высший план существования, в котором их чисто человеческие задачи становятся лишь средствами и орудиями другой, окончательной цели» [2, с. 268]. Так обнажается завязь мирозерцания Клюева, в котором социальное христианство обретает особую высоту и значение, так как оно вписывается в религиозно-философский контекст эпохи, заданный Соловьёвым с его требованием «нравственного подхода к решению социально-политических проблем»²⁰.

В середине 1900-х гг. для Клюева решение острых вопросов социальной несправедливости – страданий «бичуемого и распинаемого» «мужика»²¹ – становится насущной потребностью, которая позволяет деятельно и конкретно участвовать в реализации «плана Бога». Художественно-философским воплощением этой потребности становится статья «В черные дни». Она увидела свет в «Нашем журнале» (№ 1) в феврале 1908 г., тогда как первое упоминание утраченной рукописи «Слово Божие к народу», предназначенной Миролюбову, появляется в письме Клюева Блоку за ноябрь–декабрь 1908 г., т.е. весь 1908 г. прошел для Клюева под знаком идей социального христианства.

В статье «В черные дни» содержатся характерные образы: «будущее царство», «священный стяг свободы», «крестные жертвы революционной интеллигенции», «Бог правды и справедливости», идущие «на распятие» носители «тернового венца», «распинаемый» мужик²². Они образуют концептуальный ряд, который делает статью Клюева своеобразным манифестом социального христианства *à la russe*. Его смысловой центр – образ «народа-богочеловека»: «...Им чужда психология мужика, бичуемого и распинаемого, замурованного в мертвую стену – нужды, голода и нравственного одиночества. Но под тяжким бременем, наваленным на крестьянскую грудь, бьется, как голубь, чистое сердце, готовое всегда стать строительной жертвой, не ради самоуслаждения и призрачно-непонятных вождедений, свойственных некоторой доле нашей так называемой интеллигенции, а во имя Бога правды и справедливости...» [8, с. 104].

Несомненно, социальное христианство не является единственным источником этой религиозно-философской мифологии Клюева. Если размышлять о генеалогии образа «распинаемого мужика»/«народа-богочеловека» у Клюева в литературно-философском контексте, то необходимо, прежде всего, указать на Ф.М. Достоевского, процитировав слова Шатова из романа «Бесы»: «<...> Знаете ли вы, кто теперь на всей земле единственный народ–“богоносец”, грядущий обновить и спасти мир именем нового Бога, и кому единому даны ключи жизни и нового слова... Знаете ли вы, кто этот народ и как ему имя? <...> Единый народ–“богоносец” – это русский народ» [19, с. 154].

²⁰ См.: Максимов М.В. Теократическое учение Вл. Соловьёва: оценки и интерпретации // Соловьёвские исследования. 2004. Вып. № 1(8). С. 151 [18].

²¹ См.: Клюев Н.А. Словесное древо. С. 104.

²² Там же. С. 103–104.

Подобное соположение не является произвольным. Для Клюева Достоевский был одной из ключевых фигур русской культуры: «Раз во сто лет порожидала русская земля чудо: являлись Пушкин, Толстой, Достоевский – горящие ключи, чистые реки, которых не осиливало окаянное устье. Мы живем водами этих рек» [8, с. 145].

Думается, что к моменту знакомства с идеями Ламенне Клюев уже пережил влияние представлений Достоевского об избранном русском народе-богоносце, который должен спасти мир, потому что он является носителем «общественного идеала братства» и «религиозного идеала, основанного на вере Христовой»²³. Впрочем, это влияние органично соединилось с воздействием источника, имевшего существенное значение для самого Достоевского.

В «Словах верующего» находим прямое сравнение народа, идущего «на завоевание прав» с Христом: «Если есть на земле что-либо великое, так это твердое решение народа, идущего на глазах Бога, не уставая ни на минуту, на завоевание прав, которые он получил от него . . . . Он может испытать неудачи, перемены счастья, измены, он может быть предан каким-нибудь Иудой. Пусть ничто не лишит его мужества. Ибо воистину говорю вам, если он подобно Христу сойдет в могилу, он так же как Христос на третий день выйдет из нее победителем смерти, и Князя мира сего, и помощником Князя мира сего» [17, с. 98].

У Клюева в финале статьи «В черные дни» образ «народа-богочеловека», «выносящего на своем сердце все казни неба, все боли земли» окончательно соединяется с образом Христа: «Народ-богочеловек, выносящий на своем сердце все казни неба, все боли земли, слышишь ли тех сынов твоих, кто плачет о тебе, и, припадая к подножию креста твоего, лобзая твои пречистые раны, криком, полным гнева и неизбывной боли, проклиная твоих мучителей, молит тебя: прости нас всех, малодушных и робких, на руинах святынь остающихся жить, жить, когда ты распинаем, пить и есть, когда ты наполнен желчью и оцетом²⁴» [8, с. 104]!

Заключительное предложение восходит к евангельскому эпизоду: «... Дали Ему пить уксуса, смешанного с желчью; и, отведав, не хотел пить» (Мф. 27: 34). Клюев завершает свою статью на высокой трагической ноте – в кульминационной точке евангельского сюжета: Христос умирает на кресте, в мифотворческом сознании Клюева на кресте, мучаясь, умирает народ. За этой смертью поэт чаёт воскресения: о воскресении не сказано прямо, но оно, несомненно, подразумевается как неизбежный финал.

Развитие сюжета этого клюевского мифа вполне согласуется с содержанием «молитвы» Ламенне. У Ламенне народ – это «братья Христовы», страдания «братьев» равны страданию Христа и тоже должны завершиться воскресением: «Мы зываем к тебе, Господи. О, Отец! Ты не покинул Твоего Сына,

---

²³ См.: Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского. С. 300.

²⁴ Оцет (устар.) – уксус.

Твоего Христа, это только казалось на один миг; Ты равным образом не покинешь навсегда братьев Христа. Его божественная кровь, которая освободила их от рабства у Князя мира сего, освободит их также от рабства у приспешников Князя мира сего. Взгляни на их пронзенные руки и ноги, на пронзенную грудь, на их голову, покрытую кровоточащими ранами. В земле, которую Ты им дал во владение, вырыли громадную могилу и бросили их в нее без разбору, и припечатали камень на ней печатью, на которой в насмешку вырезали Твое святое имя. И вот, Господи, они лежат там мертвые; но они не пребудут там вечно. Еще три дня, – и святотатственная печать будет разбита, и камень будет разбит, и спящие восстанут, и начнется царство Христа, которое есть справедливость, и милосердие, и мир, и радость в Духе Святом» [17, с. 58].

Наряду с образом «народа-богочеловека» принципиальное значение как для статьи «В черные дни», так и для художественно-философского мировоззрения Клюева имеет связанная с ним идея «строительной жертвы», которую всегда готов принести «бичуемый и распинаемый мужик» «во имя Бога правды и справедливости» и «будущего царства». Глубинный исток этой идеи – архаические представления о необходимости жертвоприношения (в том числе, человеческого) при закладке различных строений, объединенные в сознании Клюева с пониманием Христа как краеугольного камня в фундаменте Церкви. У Клюева эти смыслы соединяются с риторикой Ламенне, который убеждал: «...Каждый должен будет с радостью отдать свою жизнь за братьев своих; и день, который последует, будет днем освобождения» [17, с. 15].

Философия жертвы Клюева обнажает не только высоту духовных дерзаний поэта, но и завязь драматической коллизии его житнетворческого мифа: «Народ знает цену крови, видит в ней скрытый непостижимый смысл и святит имя тех, кто пострадал, постигнув тайну ее» [8, с. 104]. Так в художественно-философском сознании Клюева обозначает себя важнейший вопрос о способах достижения желанного будущего. Клюевские слова о «цене крови» и ее «смысле», восходя к архаическим представлениям о крови как сакральной субстанции, раскрывают убеждение поэта в необходимости, неизбежности и оправданности кровопролития ради обретения будущего «царства справедливости и царства любви». Это допущение крови в основании идеала обозначает водораздел между Клюевым и Ламенне, с одной стороны, и Соловьёвым с его идеей положительного всеединства с другой.

Клюев вводит образ тех, кто вместе с ним «знает цену крови»: это революционеры – «крестные жертвы революционной интеллигенции» (они противопоставлены у Клюева «так называемой интеллигенции») ²⁵. К «верным», «до конца оставшихся мужественными, под терновым венцом сохранивших светлость чела и крепость разума» ²⁶, Клюев причисляет М.А. Спиридонову. На мо-

²⁵ См.: Клюев Н.А. Словесное древо. С. 103–104.

²⁶ Там же. С. 103.

мент его работы над статьей Спиридонова была осуждена на бессрочную каторгу за убийство губернского советника Г.Н. Луженовского, известного жестокими подавлениями революционных выступлений в Тамбовской губернии. Для Клюева Спиридонова и подобные ей являют собой «строительные жертвы» – это те, кто, «кровно почувствовав образ будущего царства, поняв его таким, как понимает народ, в величавой простоте и искренности идет на распятие»²⁷. Так Клюев развивает и усиливает вызревавший в недрах народнической и эсеровской идеологии миф о революционной работе как религиозной жертве²⁸: портреты Марии Спиридоновой, по его словам, вставлены «в киот с лампадками»²⁹. Важно четко обозначить принципиальную черту этой клюевской мифологии кровавой борьбы за «царство справедливости и царства любви»: для Клюева «строительными жертвами» оказываются и те, *кого убили*, и те, *кто убил*, так как они тоже идут на «строительную жертву» – каторгу и казнь. В этом заключается суть клюевской веры «в зиждительно-чудотворную силу человеческой крови»³⁰, которую он переносит на народ. Здесь вновь уместно будет вспомнить Ламенне: «Когда вы видите народ, отягченный оковами и отданный палачам, не спешите говорить: “Этот народ – насильник, он хотел нарушить мир на земле”. Ибо, может быть, это народ-мученик, умирающий ради спасения рода человеческого» [17, с. 13].

Эта идея насилия «ради спасения рода человеческого» во имя светлого будущего в той или иной степени будет всегда присутствовать в сознании Клюева, находя свое художественное воплощение не только в прозе, но и в лирике поэта. В стихотворении «Осенюсь могильною иконкой...» (<1908, 1912> г.) она определяет противоречивый образ «родимого» «брата»-революционера («В глубине народной незабытым / Ты живешь, кровавый и святой...», [5, с. 95], в стихотворении «Победителям» (<1908> г.) – мотив отмщения: «Мы вас убьем и трупы сложим / В пирамидальные костры...» [5, с. 106]). Однако, как и у Ламенне, эта риторика борьбы (в том числе кровавой), становление которой осуществлялось у Клюева не только в религиозно-философской плоскости, но и в рамках его личной судьбы неотделимо связана с готовностью к крестному страданию. Как известно, в 1906 г. за свою революционную деятельность Клюев был подвергнут тюремному заключению, которое поэт пережил крайне тяжело: «Били меня в тюрьме люто: за смирение, за молчание мое», – вспомнит он в 1922 г. [8, с. 38]. Это смирение в страдании за «братьев» полностью согласовывалось с призывом Ламенне: «Кто любит себя больше, чем брата своего, тот недостоин Христа, умер-

---

²⁷ См.: Клюев Н.А. Словесное древо. С. 104.

²⁸ См.: Пэрри М. К вопросу о «религиозности» русской интеллигенции: религиозный язык у эсеров-террористов начала XX века // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология. М.: О. Г. И., 1999. С. 86–94 [20].

²⁹ См.: Клюев Н.А. Словесное древо. С. 104.

³⁰ Там же.

шего за братьев своих. Если вы отдали ваши богатства, отдайте еще вашу жизнь, и любовь вам возвратит все» [17, с. 40].

Религиозный пафос социального христианства, приравнивающего революционную работу с жертвой Христа, по-новому позволяет взглянуть на произведения Клюева 1900-х гг.: не только сквозь привычную призму голгофского христианства или сектантства. Так, образ «братьев-воинов» из «Братской песни» (<1911, 1918> г.), стоящих с палящими мечами на «светлых башнях» «града», – это не только соратники Бога, члены небесного воинства и ангелы грядущего Судного дня, хранящие ключи «от бездны»³¹. В образе братьев-духоборцев угадываются реминисценции на «молодого воина» из 36 главы текста Ламенне, включенной (с некоторыми изменениями) Клюевым в статью «Красный набат»:

«Молодой воин, куда идешь ты?

Я иду сражаться во избавление братьев моих от угнетения – разбить их оковы и оковы мира» [17, 131]³².

Как и у Ламенне, у Клюева идею оправданного насилия заглушает пафос духовного водительства («Человеческие роды // Повести к живым рекам»³³) и заслоняет картина светлого будущего – «гостеприимного» Царствия Небесного; и все-таки мотив битвы/войны пульсирует даже в духоподъемном финале «Братской песни», должном утверждать цельный идеал «братьев-воинов»:

Наши битвенные гимны

Буреветрами звучат...

Звякнул ключ гостеприимный

У предвечных светлых врат [5, с. 153].

Другие содержательные акценты социального христианства усматриваются в финале стихотворения «Как звезде, пролетной тучке...» (<1908, 1912> г.). Он мог бы быть понят как поэтический извод хлыстовских представлений о том, что «христом» может сделаться любой последователь секты:

Чтоб на Божьем аналое

Сокровенное читать,

Надо тело молодое

Крестным терном увенчать [5, с. 106].

³¹ «И увидел я Ангела, сходящего с неба, который имел ключ от бездны и большую цепь в руке своей» (Откр 20:1).

³² См. об этом: Ламенне Ф.-Р. Слова верующего: Pamфлет. С. 91.

³³ См.: Клюев Н.А. Сердце Единорога: Стихотворения и поэмы. С. 153.

Однако здесь можно предложить и иное толкование. «Сокровенное» – это образ будущего «царства справедливости и царства любви», которое «братья» должны обрести в жертвенном служении, уподобляющем их Христу: «Мы взываем к тебе, Господи. <...>. Ты ... не покинешь навсегда братьев Христа. Его божественная кровь, которая освободила их от рабства у Князя мира сего, освободит их также от рабства у приспешников Князя мира сего. Взгляни на их пронзенные руки и ноги, на пронзенную грудь, на их голову, покрытую кровоточащими ранами» [17, с. 58].

В художественно-философском сознании Клюева представление о поэзии как апостольском служении соединяется с идеей общественного служения на «благо» братьев, а самоощущение себя как «молодого воина» уже неотделимо от готовности самому стать «строительной жертвой» с «крестным терном».

Христианский императив объединил Клюева с Ламенне не только в осмыслении общественных преобразований под знаком евангельской правды, но в напряженном апокалиптическом предчувствии «второго рождения» человечества и его «перехода от смерти к жизни»³⁴:

Слава нетленному чуду –
Перлам, украсившим свод,
Скоро к голодному люду
Пламенный вестник придет [5, с. 111].

Контекст социального христианства проясняет, почему «пламенный вестник» придет именно к «голодному люду». Поначалу события 1917 г. Клюев осмысливает как приход «пламенного вестника». Думается, Клюев мог в 1917 г. сказать себе словами Ламенне: «Я вижу, как Дьявол бежит, и Христа в сонме ангелов грядущего на царство»³⁵. Включая главы из сочинения Ламенне в свою статью 1919 г., Клюев усиливал значение идей социального христианства не только для читателей, но и для самого себя. Увиденный в юности мираж будущего «царства справедливости и царства любви»³⁶ в революционные годы обретает очертания Руси, которая ожидает «великого красного пира воскресения»³⁷. Если в статье «В черные дни» Клюев писал о «бичуемом и распинаемом» мужике, то в пореволюционные годы важнейший образ – это «книщие, голодные мученики, кандалники вековечные, серая убойная скотина»³⁸. Именно они празднуют «красную пасху», когда «Сошло со креста Всемирное слово. Восколыхнулась вселенная – Русь распятая, Русь огненная, Русь самоцветная, Русь – пропадай голова соколиная, упевная, валдайская» [8, с. 119]!

---

³⁴ См.: Ламенне Ф.-Р. Слова верующего: Памфлет. С. 11.

³⁵ Там же. С. 9.

³⁶ Там же. С. 15.

³⁷ См.: Клюев Н.А. Словесное древо. С. 119.

³⁸ См.: Там же. С. 15.

К этому времени идея сораспятия становится центральной для религиозно-философского сознания Клюева («Мужицкие Веды: мы распяты все, / На жернове – мельник, косарь – на косе...»³⁹), соединяясь с архетипическим образом сакральной строительной жертвы и важнейшим для социального христианства мотивом смерти «друг за друга» («Свобода засияет над вами, когда у подножия креста, на котором Христос умер за вас, вы поклянетесь умереть друг за друга»⁴⁰):

Мы умрем, но воскреснем с народом,
Как зерно, под Господней сохой [5, с. 316].

Этот жертвенный пафос готовности смерти для духовного воскресения, несомненно, причисляет Клюева к числу не прямых наследников философии Соловьева, в которой «истинное спасение есть перерождение, или новое рождение, а новое рождение предполагает смерть прежней ложной жизни»⁴¹. Другое дело, что у Клюева (как и у Ламенне) смерть этой «прежней ложной жизни» может исходить от тех, кто чаёт спасения: что для Соловьева было, конечно, неприемлемо.

Вера в «зиждительно-чудотворную силу человеческой крови»⁴² в купе с убеждением в необходимости «строительных» и «крестных» жертв по-новому отзывается в революционном творчестве Клюева: «Чашу с кровью – всемирным причастьем, / Нам испить до конца суждено»⁴³. Социальное христианство проясняет исток и сложное содержание этих, а также многих других строк в его произведениях этого времени. Так, поэтическая максима «Убийца красный – святей потира, / Убить – воскреснуть, и пасть – ожить...»⁴⁴ из стихотворения «Революцию и Матерь света...» (<1918> г.) содержит скрытые аллюзии на слова Ламенне о «народе-насильнике», который на самом деле является «народом-мучеником», умирающим ради будущего «царства справедливости и царства любви».

Своего рода поэтический апофеоз социального христианства в творчестве Клюева 1917–1919 гг. – это стихотворение «Февраль» (<1917> г.), где образ «народа родной страны» прямо соотносится с образом народа у Ламенне, который «подобно Христу сойдет в могилу» и «так же как Христос на третий день выйдет из нее победителем смерти»⁴⁵:

³⁹ См.: Клюев Н.А. Сердце Единорога: Стихотворения и поэмы. С. 312.

⁴⁰ См.: Ламенне Ф.-Р. Слова верующего: Pamфлет. С. 50.

⁴¹ Соловьёв В.С. Об упадке средневекового мирозерцания // Соловьёв В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Изд-во «Мысль», 1990. С. 344 [21].

⁴² См.: Клюев Н.А. Словесное древо. С. 104.

⁴³ См.: Клюев Н.А. Сердце Единорога: Стихотворения и поэмы. С. 353.

⁴⁴ Там же. С. 381.

⁴⁵ См.: Ламенне Ф.-Р. Слова верующего: Pamфлет. С. 98.

То огнепальное чело,
Очей грозовый пыл
Того, кто адское жерло
Слезю угасил.

Чей крестный пот и серый кус
Лучистой купины.
Он – воскрешенный Иисус,
Народ родной страны.

Трепещет ад гвоздиных ран
Тернового чела...
В глухой степи, где синь-туман,
Пылают купола [5, с. 361].

В отличие от произведений 1900-х гг., когда идеи социального христианства раскрывались посредством тривиальных поэтических приемов, в лирике 1917–1919 гг. (в «Феврале», в том числе) эта система представлений облачена в яркие и своеобразные метафоры клюевского художественного языка. Эпитеты «огнепальное», «грозовый», «гвоздиные», образ народной поэзии «синь-туман» окрашивают стихотворение в национальный колорит; вера Ламенне в наступление «дня освобождения» под знаком Христа, когда «богачи и вельможи выбегут нагишом из своих дворцов»⁴⁶ и народ-мученик воскреснет, объединяется с суровой религиозностью русского старообрядчества, для которого Христос Второго Пришествия – жестокий судья⁴⁷.

В «Феврале» образ братьев окрашен важным для социального христианства мотивом межнационального единства в борьбе с рабством⁴⁸:

<...>

Многоплеменный каравай
Поделят с братом брат:

Литва – с кряжистым пермяком,
С карелою – туркмен,
Не сломят штык, чугунный гром
Ржаного Града стен ... [5, с. 361].

---

⁴⁶ См.: Ламенне Ф.-Р. Слова верующего: Pamфлет. С. 59.

⁴⁷ «Речет Господь ко грешникам:

Не будет вам прощение

За ваше согрешение» (см.: Рождественский Т.С. Памятники старообрядческой поэзии. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1909. С. 116 [22]).

⁴⁸ См.: «видение» Ламенне о том, как народы и нации поднялись с «ложа своих страданий» и поняли, что они «братья Христа» (см.: Ламенне Ф.-Р. Слова верующего: Pamфлет. С. 29).

«Каравай», «Ржаной Град» не только вводят стихотворение Клюева в живой текст народной культуры, но и в органическом синтезе соединяют архетипическую семантику хлеба как символа жизни с евангельским значением Христа как «хлеба Божьего» (Ин. 6: 33). В художественно-философском пространстве стихотворения этот созидательный смысл духовного единства в строительстве нового мира существует наравне с явственно звучащим мотивом крови «строительных жертв». Образ долгожданного будущего, проступающий в настоящем, – это «кровью выкупленный край», который Клюев называет «Земли и Воли град»⁴⁹, прямо отсылая этим именованим к революционно-народническим истокам своих представлений. Символами социального христианства в клюевском изводе можно считать образы «кровавого креста» и «мирского калача», возникающие в финале стихотворения:

<...>

Кто пал, неся кровавый крест,
Земля тому легка,

Тому овинная свеча,
Как Спасу, зажжена...
Моря мирского калача
Без берегов и дна [5, с. 362].

Так сложно и полемично существовали в сознании Клюева идеи социального христианства, значение которых было усилено для поэта его революционным окружением и протестной деятельностью. Эти идеи, противоречивые в самой своей сути, формировали два вектора его устремлений к будущему «Ржаному Граду»: первый обозначен готовностью «молодого воина» к крови и «строительным жертвам», второй – согласием стать строительной жертвой самому. «Моря мирского калача без берегов и дня» – это, несомненно, образ всеединства как «абсолютного блага» и «абсолютной истины»⁵⁰. К практическому осуществлению этой истины, к тому, чтобы «пересоздать существующую действительность»⁵¹, Клюев стремился со всей своей творческой и человеческой искренностью. Однако корневая принадлежность Клюева к демократической линии русской культуры вкупе с обстоятельствами его биографии определили готовность поэта к тому, что «строительные жертвы» окрасят «моря мирского калача» в соответствующий цвет. Впрочем, он сам уже в 1918 г. осознавал драматизм своего положения как художника в грядущей эпохе. В январе 1918 г. Клюев писал В.С. Миролубову: «Хотя при пролетарской культуре такие люди,

⁴⁹ См.: Клюев Н.А.: Стихотворения и поэмы. С. 36.

⁵⁰ См.: Соловьёв В.С. Критика отвлеченных начал // Соловьёв В.С. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Изд-во «Мысль», 1990. С. 745 [23].

⁵¹ Там же. 746.

как я, и должны погибнуть, но все-таки не думалось, что гибель будет так ужасна»⁵². Эти слова поэта, как известно, оказались пророческими, равно как и юношеское предчувствие «тернового венца» своей судьбы.

Список литературы

1. Евлампиев И.И. «Неизбежный нравственный переворот» и идея революции в русской общественно-политической мысли XIX – начала XX века // Соловьёвские исследования. 2023. Вып. 3(79). С. 24–39.
2. Соловьёв В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьёв В.С. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Изд-во «Мысль», 1990. С. 47–580.
3. Азадовский К.М. Жизнь Николая Клюева: Документальное повествование. СПб.: Звезда, 2002. 365 с.
4. Субботин С.И. Н.А. Клюев: поэзия 1905–1908 гг. и проза 1919–1923 гг. Вопросы источниковедения и атрибуции: дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 172 с.
5. Клюев Н.А. Сердце Единорога: Стихотворения и поэмы. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного ин-та, 1999. 1071 с.
6. Соловьёв В.С. Три речи в память Достоевского // Соловьёв В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Изд-во «Мысль», 1990. С. 289–323.
7. Гачева А.Г. «Идеал ведь тоже действительность...». Русская философия и литература. М.: Академический проект, 2019. 734 с.
8. Клюев Н.А. Словесное древо: [проза]. СПб.: Росток, 2003. 684 с.
9. Кибальник С.А. «Христианский социализм» или «социальное христианство»? (Гоголь и Достоевский в истории русской социально-философской мысли) // Проблемы исторической поэтики. 2017. Т. 15, № 3. С. 70–93.
10. Кибальник С.А. Л.Н. Толстой и «социальное христианство» (Толстой о Ф.-Р. де Ламенне) // Культура и текст. 2019. № 1(36). С. 75–84.
11. Серёгина С.А. Идея социального христианства в ранней лирике Н.А. Клюева // Проблемы исторической поэтики. 2021. № 19(3). С. 238–254.
12. Соловьёв В.С. Из философии истории // Соловьёв В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Изд-во «Правда», 1989. С. 323–343.
13. Клюев Н.А. Письма к Александру Блоку: 1907–1915. М.: Прогресс-Плеяда, 2003. 366 с.
14. Базанов В.Г. К творческим исканиям Блока // А. Блок и современность. М.: Современник, 1981. С. 200–226.
15. Никитина Ф.Г. Идеи Ламенне в России // Достоевский и мировая культура. 1997. № 8. С. 201–226.
16. Таратута Е.А. С.М. Степняк-Кравчинский – революционер и писатель. М.: Худож. лит., 1973. 540 с.
17. Ламенне Ф.-Р. Слова верующего: Памфлет. СПб.: А.Е. Беляев, 1906. 107 с.
18. Максимов М.В. Теократическое учение Вл. Соловьёва: оценки и интерпретации // Соловьёвские исследования. 2004. Вып. № 1(8). С. 150–172.
19. Достоевский Ф.М. Бесы. Роман в 3 ч. «Бесы»: антология русской критики. М.: Согласие, 1996. 743 с.
20. Пэрри М. К вопросу о «религиозности» русской интеллигенции: религиозный язык у эсеров-террористов начала XX века // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология. М.: О. Г. И., 1999. С. 86–94.
21. Соловьёв В.С. Об упадке средневекового мирозерцания // Соловьёв В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Изд-во «Мысль», 1990. С. 339–350.

---

⁵² См.: Клюев Н.А. Словесное древо. С. 246.

22. Рождественский Т.С. Памятники старообрядческой поэзии. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1909. 243 с.

23. Соловьёв В.С. Критика отвлеченных начал // Соловьёв В.С. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Изд-во «Мысль», 1990. С. 581–755.

References

(Sources)

Collected Works

1. Solov'ev, V.S. Opravdanie dobra. Nравstvennaya filosofiya [Justification of Goodness. Moral Philosophy], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 1* [Works in 2 vols., vol. 1]. Moscow: Mysl', 1990, pp. 47–580.

2. Solov'ev, V.S. Tri rechi v pamyat' Dostoevskogo [Three Speeches in Memory of Dostoevsky], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Mysl', 1990, pp. 289–323.

3. Solov'ev, V.S. Iz filosofii istorii [From the philosophy of history], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Pravda, 1989, pp. 323–343.

4. Solov'ev, V.S. Ob upadke srednevekovogo mirosozertsaniya [On the decline of the medieval worldview], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Mysl', 1990, pp. 339–350.

5. Solov'ev, V.S. Kritika otvlechennykh nachal [Criticism of abstract principles], in Solov'ev V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 1* [Works in 2 vols., vol. 1]. Moscow: Mysl', 1990, pp. 581–757.

Individual Works

6. Bazanov, V.G. K tvorcheskim iskaniyam Bloka [Towards the creative quest of the Block], in *A. Blok i sovremennost'* [A. Blok and modernity]. Moscow: Sovremennik, 1981, pp. 200–226.

7. Dostoevskiy, F.M. *Besy. Roman v 3 ch. «Besy»: Antologiya russkoy kritiki* [Demons. The novel is in three parts. “Demons”. An Anthology of Russian Criticism]. Moscow: Soglasie, 1996. 743 p.

8. Klyuev, N.A. *Pis'ma k Aleksandru Bloku: 1907–1915* [Letters to Alexander Blok: 1907–1915]. Moscow: Progress-Pleyada, 2003. 366 p.

9. Klyuev, N.A. *Serdtsе Edinoroga: stikhotvoreniya i poemy* [The Heart of the Unicorn: Poems and Poems]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Russkogo khristianskogo gumanitarnogo instituta, 1999. 1071 p.

10. Klyuev, N.A. *Slovesnoe drevo: Proza* [The Word tree: prose]. Saint-Petersburg: Rostok, 2003. 684 p.

11. Lamenne, F.-R. *Slova veruyushchego: Pamflet* [The words of a believer: Pamphlet]. Saint-Petersburg: A.E. Belyaev, 1906. 107 p.

12. Perri, M. K voprosu o «religioznosti» russkoy intelligentsii: religioznyy yazyk u eserov-terroristov nachala XX veka [On the question of the “religiosity” of the Russian intelligentsia: the religious language of the Socialist-Revolutionaries-terrorists of the early 20th century], in *Russkaya intelligentsiya i zapadnyy intellektualizm: istoriya i tipologiya* [Russian Intelligentsia and Western Intellectualism: History and Typology]. Moscow: O. G. I., 1999, pp. 86–94.

13. Rozhdestvenskiy, T.S. *Pamyatniki staroobryadcheskoy poezii* [Monuments of Old Believer poetry]. Moscow: Pechatnya A.I. Snegirevoy, 1909. 243 p.

14. Subbotin, S.I. *N.A. Klyuev: poeziya 1905–1908 godov i proza 1919–1923 godov: voprosy istochnikovedeniya i atributsii*. Diss. ... kand. filol. nauk [N.A. Klyuev: the poetry of the 1905–1908-s. and the prose of the 1919–1923-s: the questions of source studies and attribution. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2008. 172 p.

(Articles from Scientific Journals)

15. Evlampiev, I.I. «Neizbezhnyy нравstvennyy perevorot» i ideya revolyutsii v russkoy obshchestvenno-politicheskoy mysli XIX – nachala XX veka [“The inevitable moral revolution” and the

idea of social revolution in Russian socio-political thought of the 19th – early 20th centuries], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2023, issue 3(79), pp. 24–39.

16. Kibal'nik, S.A. «Khristianskiy sotsializm» ili «sotsial'noe khristianstvo»? (Gogol' i Dostoevskiy v istorii russkoy sotsial'no-filosofskoy mysli) [“Christian socialism” or “social Christianity”? (Gogol and Dostoevsky in the History of Russian Socio-philosophical Thought)], in *Problemy istoricheskoy poetiki*, 2017, vol. 15, no. 3, pp. 70–93.

17. Kibal'nik, S.A. L.N. Tolstoy i «sotsial'noe khristianstvo» (Tolstoy o F.-R. de Lamenne) [L.N. Tolstoy and “Social Christianity” (Tolstoy on F.-R. de Lamenne)], in *Kul'tura i tekst*, 2019, no. 1(36), pp. 75–84.

18. Maksimov, M.V. Teokraticheskoe uchenie Vl. Solov'eva: otsenki i interpretatsii [V. Solovyov's Theocratic Teaching: assessments and Interpretations], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2004, issue 1(8), pp. 150–172.

19. Nikitina, F.G. Idei Lamenne v Rossii [Lamenne's ideas in Russia], in *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura*, 1997, no. 8, pp. 201–226.

20. Seregina, S.A. Ideya sotsial'nogo khristianstva v ranney lirike N.A. Klyueva [The idea of social Christianity in the early lyrics of N.A. Klyuev], in *Problemy istoricheskoy poetiki*, 2021, no. 19(3), pp. 238–254.

(Monographs)

21. Azadovskiy, K.M. *Zhizn' Nikolaya Klyueva: Dokumental'noe povestvovanie* [The Life of Nikolai Klyuev: A Documentary Narrative]. Saint-Petersburg: Zvezda, 2002. 365 p.

22. Gacheva, A.G. «Ideal ved' tozhe deystvitel'nost'...». *Russkaya filosofiya i literatura* [“The ideal is also a reality...”. Russian Philosophy and Literature]. Moscow: Akademicheskii proekt, 2019. 734 p.

23. Taratuta, E.A. *S.M. Stepnyak-Kravchinskiy – revolyutsioner i pisatel'* [S.M. Stepnyak-Kravchinsky is a revolutionary and writer]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1973. 540 p.